

Фото: ИТАР-ТАСС / Артем Коротаев. Директор Института океанологии РАН академик Р.И. Нигматулин во время заседания Президиума РАН, 2013 г.

В стране нужен налог на сверхприбыль

Академик Роберт Искандерович Нигматулин — один из самых авторитетных в мире океанологов. В течение 20 лет он руководил крупнейшим в Российской Федерации Институтом океанологии РАН имени П.П. Ширшова, а сейчас является его научным руководителем. Лауреат Государственной премии и целого ряда других престижных наград, он не считает себя кабинетным ученым, хотя многие научные проблемы приходится решать в лабораториях. Однако для океанолога главное — это экспедиции, исследование океанов и морей, которые диктуют человечеству все климатические изменения, а значит, и условия жизни на планете. У академика Р.И. Нигматулина стратегический склад ума. Он знает, как вывести российскую науку на достойный уровень, как решить проблему недофинансирования, и настойчив в достижении главной цели — достучаться до тех, кто, приняв государственные решения, может изменить ситуацию к лучшему. Тогда его любимая страна, из которой он не уехал, хотя возможности были, станет по-настоящему богатой, успешной и процветающей.

*Беседу вела Наталия Лескова,
специальный корреспондент журнала «ЭС»*

Роберт Искандерович, институт, который Вы много лет возглавляли, а сейчас являетесь его научным руководителем, представляет научную школу, возникшую 70 с лишним лет назад. В чем была необходимость создания такого института, какие перед ним стояли задачи? Удалось ли их решить?

Все началось с постановления Совета министров (тогда он назывался Советом народных комиссаров) СССР о создании Института океанологии АН СССР, подписанного И.В. Сталиным. Это случилось в декабре 1945 года, когда страна была в крови и руинах. Посмотрите, какой масштаб. Мы привыкли ругать жестокого тирана — и это справедливо, но он решал государственные проблемы. После войны, в годы разрухи и голода, стало понятно: океан играет огромную роль в геополитике. Следом вышло постановление Академии наук, и в начале 1946 года был создан наш институт. Это удивительно для тех лет, но уже тогда среди его задач было изучение океана в единстве химических, физических, геологических и биологических процессов. Президентом Академии наук в то время был Сергей Иванович Вавилов.

Сейчас наш институт — один из крупнейших институтов океанологии в мире и крупнейший в стране. У нас трудится 1200 человек, действуют пять филиалов. Есть свой флот, ведется интенсивная судовая деятельность, хотя число экспедиций по сравнению с 1950–1960 годами сократилось на порядок. В стране, видите ли, нет денег. Куда-то они вдруг подевались?

➤ Мы погрузили В.В. Путина на дно Байкала, и после его возвращения на судно, с которого мы опускали свои «Миры», я попросил его дать нам «полфутболиста» для содержания научного флота РАН.

Я слышала, с деньгами вам помог В.В. Путин?

Да. К 2010 году финансирование содержания всех судов РАН и проведения экспедиций всеми академическими институтами упало с 230 миллионов рублей в 2007 году до 170 миллионов. Это крохи. В 2009 году В.В. Путин пришел к нам, участникам экспедиции на озере Байкал, где мы изучали дно этого уникального озера с помощью подводных аппаратов «Мир». Мы погрузили его на дно озера, и после его возвращения на судно, с которого мы опускали свои «Миры», я попросил его дать нам «полфутболиста» для содержания научного флота РАН — тогда мы, дескать, сможем решить все наши проблемы. В голове у него это зафиксировалось. Владимир Владимирович сказал: «Давайте вернемся к этому вопросу через полтора-два года...» И надо же, спустя это время он вспомнил и прислал резолюцию в правительство: рассмотреть вопрос финансового обеспечения флота. Так мне удалось убедить президента в том, что спорт, артисты — это хорошо, но не менее важны исследования океана.

А что это значит «полфутболиста»?

Это значит, что половины той суммы, которую платят одному футболисту по контракту, хватило

бы всему нашему флоту. А задачи мы решаем не менее важные. Ведь что такое океан? Это оборона, транспорт, пищевые и минеральные ресурсы. В океане формируется климат. Как океан «скажет», такие и будут климатические изменения. В нем находится основная масса углекислого газа, в 50 раз больше, чем в атмосфере. Он поставщик влаги, важнейшего парникового газа в атмосфере. Масса воды в океане и ее теплоемкость соответственно в 300 и 1000 раз больше массы воздуха в атмосфере и ее теплоемкости. Биологическая масса в океане много больше, чем на суше. Биологические и минеральные ресурсы в океане и на его дне также многократно превышают эти ресурсы на суше. Нефть уже добывается на шельфе, а сейчас появляются новые минеральные ресурсы, активно изучаются сульфидные руды. Но вот что важно: если бы наши выдающиеся соотечественники в XIX веке не начали изучать Арктику и еще раньше Сибирь, то как бы мы сейчас жили без тюменской западно-сибирской нефти, норильского никеля, сибирской древесины и многих других ресурсов Сибири и Арктики?

Все закладывается на будущее, на века. Если мы сейчас не будем этого делать, то оставим своих внуков без ресурсов. Да, сейчас мы получили финансовую поддержку, хотя этих денег, конечно, не хватает, потому что велика инфляция, цены на ремонт и содержание судов растут. Мы постоянно сокращаем число старых судов, но денег все равно не хватает. Нужны новые современные экономичные суда, а денег на строительство нет. Нужно 5–10 милли-

В.В. Путин.
Погружение
на озере Байкал

ардов. Суда — это недешево. Хотя у нас в стране есть сверхбогатые люди, у которых такой годовой доход.

Они не хотят помочь?

Конечно, нет. Это не их проблема. Это проблема государства.

Какими проблемами занимался институт в первые годы своего существования?

Наш институт стал первым в мире, где научные проблемы океана решались комплексно, в единстве физических, химических, геологических и биологических наук. Вот, например, такая важнейшая проблема, как подводная жизнь. Ведь раньше считалось, что на глубине четырех-пяти километров, где давление 500 атмосфер, никакая жизнь в принципе не возможна. Ничего подобного! Около гидротермов (иногда называемых черными курильщиками) — глубинных (вулканических) источников горячей (до 400 градусов Цельсия) воды в сверхкритическом состоянии жизнь кипит. Даже около дна Марианской впадины на глубине 11 километров встречаются рыбы. Эта жизнь поддерживается не за счет фотосинтеза, обеспечиваемого энергией Солнца, а за счет хемосинтеза, обеспечиваемого окружающей тепловой энергией, которая особенно велика около гидротермов. Разнообразные подводные организмы на больших глубинах начали изучаться с помощью наших подводных аппаратов. Кроме того, были открыты конкреции, сульфидные руды и многое другое.

А что за исследование, связанное с органической жизнью северных морей?

Представьте: Новая Земля. С запада — Баренцево, с востока — Карское море. В Баренцевом море много рыбы, богатый животный мир с пищевыми цепями, начинающимися с фитопланктона и заканчивающимися млекопитающими, а в Карском — пусто. Возник вопрос: может быть, это человек что-то натворил? Тем более, в тех краях были испытания атомного оружия. Так вот, благодаря нашим исследованиям выяснилось, что с деятельностью человека это никак не связано. Причина в том, что в Карское море впадают Обь и Енисей, они несут массу пресной воды, более легкой, чем морская соленая, а в летние месяцы ветры дуют с запада на восток, и этот поверхностный сток более легкой пресной воды заворачивает на запад, а не туда, куда должен был бы заворачивать под действием силы Кориолиса за счет вращения Земли.

Фото: ИТАР-ТАСС / Станислав Красильников. Заведующий лабораторией глубоководных обитаемых аппаратов А.М. Сагалевич, директор Института океанологии Р.И. Нигматулин и премьер-министр РФ В.В. Путин (слева направо) на борту судна «Метрополь» во время ознакомления с научно-исследовательской экспедицией «„Миры“ на Байкале». 2 августа 2009 г.

И так было всегда?

Да, так было изначально. В результате более легкая пресная речная вода покрывает поверхность Карского моря. Такая стратификация препятствует прониканию из глубины морских биогенных элементов (главным из которых является азот), необходимых для образования массы фитопланктона в верхнем слое воды, облучаемом Солнцем в летние месяцы. Нет фитопланктона — нет пищи для зоопланктона и далее вверх по пищевой цепочке — нет рыбы. Этот феномен бедности биоло-

гической жизни Карского и других арктических морей впервые объяснила группа наших исследователей во главе с членом-корреспондентом РАН М.В. Флинтом, которая каждый год проводит экспедиции в арктических морях на знаменитом исследовательском судне «Академик Мстислав Келдыш».

Отмечу, взаимодействие пресного речного стока с морями и океаном — одна из главных проблем океанологии. И это взаимодействие в разных местах происходит по-разному. Наш сотрудник, член-корреспондент РАН П.О. Завьялов открыл совершенно другие механизмы взаимодействия гигантских речных стоков Южной Америки с Атлантикой и малых рек с Черным морем.

Фото: Фотобанк Лори / Юрий Шурчков.
Академик Р.И. Нигматулин

Вместе с другими академическими институтами вы занимаетесь также проблемой разделения шельфа между соседними государствами.

Это важнейшая проблема, которую институт решает в последние годы. В 1990-е годы Россия под давлением соседних государств ратифицировала соглашение о правилах разделения шельфа для экономической деятельности вне его прибрежной 200-мильной зоны. Эти правила основаны на геологическом строении шельфа. В частности, речь идет о том, является ли он продолжением континентального фундамента. По указанному соглашению, Россия отказалась от привычного для нас секторального разделения Арктики (между западным меридианом Кольского полуострова и восточным меридианом Чукотки). Это стало нашей большой политической и геологической проблемой. И сейчас мы вместе с коллегами из других институтов подготовили обоснование, что восточный сектор Арктики площадью 1,2 миллиона квадратных километров должен быть признан комиссией ООН зоной нашей экономической деятельности. Для этого потребовались сложные и дорогостоящие сейсмические «просвечивания», выполненные нашими коллегами из ФГБУ «ВНИИОкеангеология» во главе с членом-корреспондентом РАН В.Д. Каминским, и теоретическая модель движения континентов, разработанная в нашем институте под руководством члена-корреспондента РАН Л.И. Лобковского. Сейчас заявка РФ, основанная на упомянутых исследованиях и подкреплённая членами правительства, рассматривается в специальной комиссии ООН. При положительном исходе наши внуки и правнуки получат огромные запасы природных ресурсов, которые могли бы обеспечить их на столетия вперед.

Я уж не говорю о проблемах оборонных: подводный флот, обнаружение подводных объектов, возможность скрывать свои объекты — все это напрямую связано с задачами океанологии. Ну и, наконец, наиболее близкие лично мне задачи — это изучение формирования климатических изменений.

Знаю, что ваш институт исследует Гольфстрим, скорость течения которого, согласно некоторым публикациям, замедляется, он чуть ли не замерзает.

Да, мы занимались этой проблемой и выяснили, что ничего подобного с Гольфстримом не происходит. Каждый год в районе между Гренландией и Шотландией, на 60-й параллели северной

широты, наши сотрудники проводят измерения скоростей, температуры и других показателей по всей водной толще. Мы видим, что никаких угрожающих изменений потока воды в Гольфстриме нет. Да, имеются некоторые ежегодные колебания, но уменьшения расхода или замедления нет. Правда, в последние три года ученые во главе с А.В. Соковым и С.В. Гладышевым обнаружили аномально быстрое погружение холодных вод на глубину 1–1,5 километра и возвращение температуры и солености этих вод к показателям 1990-х годов.

Есть ли еще какие-то изменения в Гольфстриме?

Потоки воды в Гольфстриме нестационарные. Один год в своей северной части он закручивается в море Лабрадор (к западу от Гренландии), а на другой год — в море Ирмингер (к востоку от Гренландии). В циркуляционной зоне теплые воды отдают тепло в атмосферу, охлаждаются и, становясь тяжелее, опускаются, а затем на промежуточных глубинах вода возвращается на юг. Вот такая циркуляция происходит. А нагретый и увлажненный теплыми водами Гольфстрима воздух «дует» на восток, обогревая Европу. Доходит он и до Москвы, хотя уже и не такой теплый. Это естественные процессы. Гипотеза о том, что Гольфстрим останавливается, в свое время рассматривалась в серьезной науке, был даже фильм снят на эту тему. Но, к счастью, с ним все в порядке.

А с чем не в порядке? Чего стоит опасаться?

Народ опасается, что будет продолжаться потепление климата.

А Вы?

Я анализирую механизмы климата и думаю, что в природе заложены компенсационные механизмы, которые не позволят нам перегреться. Ведь почему повышается температура? Из-за углекислого газа, который поглощает радиацию, поскольку является парниковым газом. Если бы этого газа не было, у нас было бы очень холодно. Поскольку его становится больше, температура воздуха немного растет. Растет и температура поверхности океана, а значит, увеличивается содержание водяного пара, поставляемого океаном и покрывающего 72 процента поверхности нашей планеты. Водяной пар также поглощает радиацию, являясь парниковым газом. Но с увеличением в атмосфере водяного пара увеличится и облачность, отражающая солнечную радиацию в космос. Это, на мой взгляд, может служить тем самым механизмом, который компенсирует

потепление из-за антропогенного увеличения содержания углекислого газа.

Выходит, облака нас спасут от небывалой жары?

Может быть. Это пока только предположение, которое требует научного анализа. Но мне этот процесс чрезвычайно интересен.

А какую роль в этом играет метан?

Он является одним из парниковых газов. Конечно, его концентрация раз в 300–500 ниже, чем углекислого газа, но зато он очень активный. И когда часть метана поступает в атмосферу, то это тоже серьезная проблема и большой вопрос для разных сфер хозяйствования и перестройки природных процессов. Следует иметь в виду даже животноводство. Оказывается, коровы переваривают растительную пищу, выбрасывая при этом в атмосферу большое количество метана.

➤ К сожалению, у нас сейчас всем заправляет Минфин. И это плохо. Если бухгалтер начнет командовать учеными, случится беда.

Мамонты, наверное, не меньше выбрасывали?

Но их было значительно меньше, чем коров.

Зато они были крупнее...

Вы знаете, когда на Земле жили мамонты, концентрация углекислого газа и метана была не такой большой, как сейчас. Хотя, если говорить о временах динозавров, примерно 65 миллионов лет назад, то тогда как раз содержание углекислого газа в атмосфере было в два раза выше, чем сейчас. И на дне океана температура доходила до десяти градусов Цельсия. А сейчас она один — минус два градуса. А потом, по всей видимости, прилетел метеорит, ударил по поверхности планеты, поднял кучу пыли, которая заслонила Солнце, стало холодно — и динозавры вымерли. Но жизнь, как видите, осталась. Просто изменился климат. Климат на Земле сильно менялся по разным причинам, но в масштабах сотен тысяч и миллионов лет.

Людей интересует в первую очередь то, что будет в ближайшие 20–30 лет. У вас есть прогнозы на это счет?

Сжигание углеводородов существенно сократится. Все более важную роль будут играть так

называемые возобновляемые источники энергии — солнечная энергия и энергия ветра. Эти отрасли развиваются, со временем они станут более экономичными, чем традиционные, и тогда начнется сокращение антропогенного поступления углекислого газа в атмосферу.

Иными словами, Вы настроены оптимистично? Я считаю себя сдержанным оптимистом, и все надежды возлагаю на новые технологии, на научные разработки.

Но ведь у нас в России денег на новые технологии не хватает...

Это иллюзия, что в стране нет денег. Огромное количество денег забирают себе сверхбогатые люди. Это проблема всего мира, но в нашей стране это явление приняло аномаль-

➤ **Океанология — это не математика, где в принципе ничего не нужно — только человек и лист бумаги.**

ные формы. Никакого роста экономики, никакой передовой науки, техники, медицины, национальной мощи у нас никогда не будет, пока не произойдет мобилизация ресурсов. Это не ваша зарплата — этим ничего не наживешь, хотя правительство рассматривает возможность увеличения налогов с 13 до 15 процентов. Вы его будете ощущать, а экономика — нет. Разговоры о том, что на эти деньги мы будем поднимать медицину и образование, — ерунда. Нужно совсем другое — распределение доходов таким образом, чтобы богатые люди платили в виде налогов большую долю своих доходов, чем бедные и средний класс. Обижать богатых не надо. Но они с этого, конечно, не обеднеют. Супербогатство должно облагаться соответствующими налогами. В результате им хуже не станет, а стране станет заметно легче.

Итак, нужен налог на прибыль.

На сверхприбыль. Это важнейшая часть экономики. Во всем мире эта проблема давно решена, но только не у нас. Деньги есть. Нет воли и понимания, что и как нужно делать. Причем для развития науки денег требуется не так много. У нас сейчас на научные разработки выделяются мизерные средства — 1 процент ВВП. Академия наук и все академические институты получают 0,16 процента ВВП. Нужно поддерживать новые идеи, разработки и самое главное — пла-

тежеспособный (покупательский) спрос населения. Мы вроде бы отвлеклись от темы, но в то же время не совсем, потому что без нормального финансирования наука существовать не может, особенно такая, как океанология. Это не математика, где в принципе ничего не нужно — только человек и лист бумаги. Или компьютер. Океанология сопряжена с экспедиционной деятельностью, а это флот, суда. Все это стоит денег. У нас сейчас три крупных судна по 6 тысяч тонн водоизмещением, и во время экспедиции каждое судно требует миллион рублей в день. А без экспедиции никакой океанологии нет.

Давайте скажем несколько слов о ваших филиалах.

Самый большой наш филиал находится в европейской части страны — в Калининграде. Там есть крепкая научная группа, которая занимается изучением Балтийского моря и Атлантического океана. Еще один наш филиал — в Геленджике, его сотрудники изучают Черное море. Там тоже ведется большая работа, поскольку в Черном море имеются колоссальные проблемы — экологические, биологические. Море цветет, загрязняется, содержит болезнетворные микроорганизмы, что угрожает вспышками инфекций и загрязнениями. Небольшой филиал есть на Каспии, в Астрахани. Но Каспий мелеет, и наше исследовательское судно, которое имеет очень глубокую осадку, не может больше выходить в море. Наконец, есть небольшой филиал в Архангельске, где изучают Белое море. Моря Дальнего Востока и Тихий океан исследуют ученые Тихоокеанского океанологического института и других институтов Дальневосточного отделения РАН.

При советской власти, конечно, возможности были намного шире. Тогда океанские экспедиции обеспечивались не с использованием рыночных механизмов финансирования, как сейчас. Академия наук разрабатывала планы экспедиций во все районы Мирового океана. Затем они утверждались Президиумом Академии наук и направлялись в Министерство морского флота. Оно обеспечивало эти экспедиции топливом, продуктами, заходом в порты. По сравнению с обеспечением всего морского флота это были копейки, поэтому выполнялось все беспрекословно.

А сейчас нам дают определенную сумму, обычно очень маленькую, — и крутитесь, как хотите. Гранты РФФИ и РНФ помогают, но только ча-

стично, а частных пожертвований нет. Как тут быть? Выход только один — федеральная целевая программа. Однако все предложения федеральной целевой программы блокируются Минфином. К сожалению, у нас сейчас всем заправляет это ведомство. И это плохо. Если бухгалтер начнет командовать учеными, случится беда.

Роберт Искандерович, Вы возглавляли институт в непростое время — с 2006 по 2016 год. Как удалось выжить в обстановке перманентных кризисов?

Самыми трудными были 1990-е годы. Нам пришлось несладко. Как удалось выжить? Здоровый творческий коллектив, влюбленный в свою работу. Наверное, это спасало.

Люди не уезжали?

В 2000-е уже нет. Несколько человек даже вернулись, хотя там вроде бы легче жить. Но это только видимость. Не хлебом единым жив человек.

А Вам предлагали работать за границей?

Я периодически работал в Америке и Европе с 1993 по 2003 год, по одному-два месяца. Была возможность там остаться, но сама эта мысль казалась невыносимой.

Знаю, что Вы и в Сибири успели поработать. Какие воспоминания оставило то время?

В 1986 году мы поехали в Западную Сибирь, в Тюмень, чтобы создать там научный комплекс. В этом регионе находятся наши главные нефтяные и газовые месторождения. К сожалению, перестройка вылилась в мощные разрушения, рухнуло государство, и сделать все, что планировалось, нам не удалось. Тем не менее там были созданы институты механики многофазных систем, криосферы Земли, проблем освоения Севера, хотя они не того ранга, на какой мы рассчитывали.

А еще Вы поднимали науку в Уфе...

В Уфу я приехал по просьбе тогдашнего президента РАН Ю.С. Осипова в 1993 году, чтобы разрешить конфликт между Уфимским научным центром РАН (УНЦ РАН) и созданной тогдашним руководством Башкортостана республиканской Академией наук (АН РБ). Собирался там поработать года два, но «задержался» на 13 лет. Я думал, что буду одновременно руководить своим институтом в Тюмени и время от времени летать в Уфу — тогда это занимало всего 40 минут на самолете АН-24. Но тут рухнула пассажирская авиация, добираться из Тюмени в Уфу приходилось через Москву, и мне пришлось оставить тюменский институт моему ученику. Сам я остался в Уфе. Нам с коллегами удалось реорганизовать АН РБ и наладить совместную работу двух академических структур. Я одновременно являлся председателем УНЦ РАН и президентом АН РБ. Пришлось поработать и депутатом Государственной думы, где я занимался законодательством в области экологии.

Именно в тот период я параллельно ездил в Америку, во Францию, в Англию, в Кембридж, — это было время, когда нам открылись все двери и мы смогли себя показать и мир посмотреть, познакомиться с зарубежными научными школами.

И что Вы там увидели такого, чего раньше не знали?

Когда я начал туда ездить, наша научная жизнь замерла. Не было никаких конференций,

Фото: ИТАР-ТАСС /
Станислав Тихомиров.
Институт океанологии
им. П.П. Ширшова РАН
в Москве

образование, здравоохранение, науку и культуру — 20–25 процентов бюджета, а мы — девять?

На все в сумме?

Да, в сумме. Девять процентов на развитие человека! Но разве есть что-то более важное? К сожалению, этого понимания нет и у научной общественности. Она разобщена. Каждый хочет построить какую-то свою локальную установку, и многие строят, даже решают какие-то задачи. Еще академик П.Л. Капица в письме Нильсу Бору писал: «Ученые больше всего озабочены созданием условий для своей личной работы и терпеть не могут широкой постановки вопросов». В целом у нас продолжается ослабление научного потенциала.

Роберт Искандерович, Вы говорите, что в науку идет мало молодежи. Но Вы ведь воспитываете молодых ученых, преподаете в МГУ.

Да, я заведу кафедрой на механико-математическом факультете МГУ. Это

родная моя кафедра газовой и волновой динамики, на которой я сам когда-то учился. Кроме того, я читаю лекции в Сколковском технологическом университете (Сколтехе). Там совсем другой стиль преподавания — все на английском языке. Учатся там магистранты и аспиранты. В Сколтехе есть хорошо оснащенные лаборатории, которые можно эксплуатировать совместно с другими отечественными и зарубежными научными учреждениями.

А ребята из МГУ к вам на работу приходят?

Конечно, приходят. Хотя моя кафедра — не главный поставщик научных кадров для океанологии. Главные поставщики — это кафедра океанологии на географическом факультете, кафедра морской физики на физфаке. Биофак и химфак также снабжают нас молодыми кадрами. Ведь океанология, повторюсь, наука комплексная: она состоит из математики, физики, биологии, химии, геологии и инженерии...

И даже лирики у вас есть.

Да, это в первую очередь наш знаменитый профессор Александр Моисеевич Городницкий — главный научный сотрудник, океанолог и автор песен, на которых выросло не одно поколение.

семинаров, симпозиумов. Каждый выживал как мог. Чтобы показать масштаб проблем, скажу, что в то время, будучи председателем Уфимского научного центра РАН и президентом Академии наук Республики Башкортостан, я возил из Америки писчую бумагу. Вот до такой степени мы были материально стеснены. К счастью, в 2000-х из этого болота мы выбрались.

Бумага у нас теперь есть.

Да, бумага есть. Но так долго жить нельзя. Научное сообщество у нас сократилось. Приток молодежи вообще прекратился. Сейчас он, правда, есть, но этого явно недостаточно. Как следует из доклада Главного ученого секретаря РАН, мы каждый год теряем 1,3 процента ученых. За десять лет — 13 процентов.

С чем это связано?

С тем, что правительство, руководство страны не понимает важности науки для развития страны, хотя об этом и говорят с высоких трибун. Но нужно не это, наука требует мобилизации ресурсов, а не разговоров. Почему все европейские страны тратят на развитие человека — на

➤ Если мы хотим, чтобы наша русская цивилизация не деградировала, развивалась, нам надо осваивать новые территории, менять образ жизни, повышать престиж научных профессий, авторитет труда.

Чем Вы сейчас занимаетесь как научный работник?

С удовольствием работаю над тремя основными проблемами. Первая — это физика и математическое моделирование климата и его эволюции. Проблема, напрямую связанная с океаном. Второе направление — кавитация, с помощью которой мы с американскими коллегами реализуем суперсжатие газа в пузырьке. При этом в центре пузырька достигаются экстремальные температуры, при которых могут «выбиваться» даже термоядерные искры. Эта тематика тоже примыкает к проблемам океана. И третье — теоретические проблемы экономики. Это то, о чем мы с Вами сейчас говорили.

Удастся ли с третьей идеей до кого-то донести?

Я пишу доклады, публикую их, выступаю на конференциях, на Московском экономическом форуме, на заседаниях Вольного экономического общества, на семинарах в Финансовом университете. Так что эти идеи слышали и услышат многие. В частности, на последней встрече с В.В. Путиным в мае нынешнего года, то есть перед выборами президента РАН, я выступил с коротким докладом и рассказал об основных проблемах академической науки. Говорил и о тех девяти процентах, которые у нас выделяются на развитие человека. Кстати, в программе В.В. Путина поставлены замечательные цели. В качестве приоритетов государственной политики названы образование, здравоохранение, наука, а также повышение рождаемости, увеличение продолжительности жизни.

Президент поставил задачу увеличить длительность жизни россиян, чтобы к 2030 году средний показатель вырос до 80 лет.

Да, идеи-то правильные, но если их воплощением будут по-прежнему заниматься люди, которые мало в этом смыслят, ничего не получится. Если мы хотим, чтобы наша русская цивилизация не деградировала, развивалась, нам надо осваивать новые территории, менять образ жизни, повышать престиж научных профессий, авторитет труда. Мы должны стать привлекательными для остальной части человечества. Нам следует признать тот факт, что справедливость в распределении ресурсов ведет к развитию экономики.

Никто не будет инвестировать в экономику просто так. Никакие призывы к этому не приведут.

Но я все же надеюсь на лучшее. Ведь фундаментальные истины медленно осознаются обществом. Вспомните, как мучительно люди осваивали истину, что Земля — это сфера. Как тяжело они шли к пониманию того, что восемь планет нашей системы крутятся вокруг Солнца. Конечно, в соответствии с принципом относительности и Солнце крутится вокруг Земли и вокруг каждой из планет, но центром для всех восьми планет является все же не Земля, а Солнце, вокруг которого все вертится по почти круговым траекториям. Сколько голов было положено, сколько копий сломано, пока люди до этого дошли.

А вспомните, как у нас в стране пробивались генетика и кибернетика. Людей мучили, сажали в тюрьму. Человечество всегда долго и с жертвами осваивает фундаментальные истины, имеющие важные следствия. Хотелось бы, конечно, побыстрее и без жертв, но я надеюсь, что когда-нибудь это случится — и власть предрержащие поймут важность фундаментальной науки, в частности океанологии.

ПЭС 18132 / 21.09.2018

Фото:
Фотохроника ТАСС /
Николай Беркетов, Борис Кавашкин.
Заместитель директора Института проблем освоения Севера Сибирского отделения АН СССР Р.И. Нигматулин (Тюмень) и генеральный директор МНТК «Микрохирургия глаза» С.Н. Федоров в перерыве между заседаниями XIX Всесоюзной конференции КПСС в Кремлевском дворце съездов. 30 июня 1988 г.